

Государство и общество

Социальный аспект нетрадиционных вызовов Китаю

© 2010

В. Ганшин

Статья посвящена проблеме нетрадиционной безопасности в современном Китае. Автор рассматривает существующие концепции и определения, относящиеся к нетрадиционным угрозам безопасности, дает обзор исследований китайских специалистов по данной тематике. Рассматривается также деятельность государства, неправительственных и общественных организаций в борьбе с этой угрозой.

Ключевые слова: нетрадиционные угрозы, социальная стабильность, протестное движение, гражданские объединения.

Пожалуй, два события последнего времени заставили весь мир больше говорить о Китае. Это, конечно же, пекинская Олимпиада и мировой финансовый кризис. Сегодня уже можно уверенно констатировать: и то, и другое доказали возросшую комплексную мощь КНР, подтвердили обоснованность претензий Пекина на ведущие роли в международной политике. Не должно удивлять в этой связи и то обстоятельство, что практическое возвышение Китая сопровождается его попытками утвердиться в новом для него качестве локомотива теоретических инноваций. Так, в разное время стали пользоваться популярностью заимствованные или вполне аутентичные термины «Пекинский консенсус», «ответственное государство», «гармоничный мир».

«Пекинский консенсус» — в отличие от «Вашингтонского» — символизирует привлекательность китайского опыта модернизации, осуществляемой не монетаристскими методами, а при помощи инвестиционной модели развития с очень высокими темпами роста. Эту модель отличает ведущая роль государства в экономике, опережающий рост промышленности, резкое сокращение бедности, повышенное внимание к развитию науки и образования. Распространение этого опыта самим Китаем и его партнерами, в том числе в странах Азии, Африки и Латинской Америки, по мнению некоторых западных политологов, угрожает тем, что «вместе с экономическим опытом расширяет сферу политического авторитаризма».

Если реализуемость «Пекинского консенсуса» в силу целого ряда причин оспаривается многими политологами и экономистами, тема «ответственности Китая» стала весьма популярной в последнее время. Китай, по заявлениям его руководителей, вопреки

обвинениям со стороны некоторых его недоброжелателей, готов нести свою долю ответственности вместе с международным сообществом. Более того, средства массовой информации Поднебесной напоминают: еще в 1956 г. Мао Цзэдун говорил, что «Китай должен внести значительный вклад в развитие человечества». История Нового Китая, продолжает, например, «Жэньминь жибао»¹, свидетельствует о том, что страна всегда брала на себя значительную долю международной ответственности. На протяжении десятилетий, будучи небогатым государством, Китай бескорыстно предоставлял миру огромную помощь. КНР направила десятки тысяч военнослужащих для участия в операциях ООН по поддержанию мира — больше, чем все остальные пять государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН. Китай — единственная страна, которая взяла на себя обязательство не применять ядерное оружие первой. В 1997 г. в разгар азиатского финансового кризиса Китай поддерживал национальную валюту, не допуская ее девальвации, тем самым внес значительный вклад в преодоление кризиса азиатскими странами. Китай также сыграл важную роль в содействии выходу мира из нынешнего глобального кризиса. Китай незамедлительно направил спасательные и медицинские отряды на Гаити, в страну, с которой даже не установлены дипломатические отношения.

Появление концепции «гармоничного мира», похоже, явилось логическим продолжением развития этой теории внутри самого Китая.* Тем самым китайские идеологи как бы дали ответ западным теориям о «столкновении цивилизаций» и «конца истории».

Что же мешает будущему гармоничному миру? По мнению ряда китайских политологов и аналитиков, это все более тесное переплетение традиционных и нетрадиционных угроз, вызовов, перед которыми стоит человечество. К первым обычно относят вопросы, связанные с военной безопасностью, представляющие угрозу для безопасности того или иного государства. Нетрадиционные угрозы, ставшие наиболее очевидными после событий 11 сентября 2001 г., охватывают самый широкий спектр существования наций и государств, затрагивают области финансов, культуры, экологии, информации или здравоохранения. Как писал, например, журнал «Цюши», такой аспект нетрадиционной безопасности как экономическая безопасность, особенно очевиден сегодня с развитием глобализации².

Окончание «холодной войны» привело к уменьшению традиционных военных и политических угроз в условиях разрядки в отношениях между государствами. Вместе с тем возросло влияние на мировое сообщество конфликтов нетрадиционного формата — между человеком и обществом, человеком и природой. А в контексте глобализации они стали возрастающей транснациональной угрозой.

В Пекине полагают, что если традиционные угрозы связаны с миром и войной, то противостояние нетрадиционным вызовам, напротив, содействует поиску гармонии между государствами, народами и регионами. Именно в этом заключается позитивный момент изменений в концепции безопасности. Необходимость совместного противостояния нетрадиционным угрозам как бы перенацеливает нации с борьбы и конкуренции в сторону поиска взаимопонимания, сотрудничества при сохранении различий между ними. Становится все более востребованной коллективная безопасность. Тогда как в прошлом важнейшим было внимание к сохранению суверенитета в понимании территориальной целостности и национального единства, теперь возрастает значение нормального общественного (социального) развития и повышения уровня жизни человека.

* Задача построения общества, «стимулирующего максимальное раскрытие способностей каждого гражданина, гарантирующего достойную отдачу и обеспечивающего гармоничное сосуществование членов общества» была провозглашена на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2006 г.)¹. Позднее этот тезис получил развернутое звучание в ходе работы XVII съезда КПК (октябрь 2007 г.) в виде концепции построения «гармоничного социалистического общества».

В современном Китае теме нетрадиционной безопасности уделяется довольно большое внимание. Первая серьезная работа, посвященная этой проблеме, появилась в 2003 г. в виде сборника статей, обобщивших многолетний труд более чем 20 ученых³. В книге проанализированы различные виды таких угроз, предлагаются пути борьбы с ними.

В 2006 г. в Чжэцзянском университете в Китае был создан Центр по изучению нетрадиционной безопасности и мирного развития, в котором сегодня работают крупнейшие специалисты в этой области (более 80 чел.). Почетный директор Центра — профессор Ван Ичжоу — заместитель директора Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая, автор многих работ по различным аспектам безопасности. В сентябре 2009 г. на базе университета прошла международная конференция «Традиционная и нетрадиционная безопасность: опыт Китая перед лицом глобального вызова». С докладами на ней выступили многие известные ученые из разных стран, в том числе и один из главных специалистов в этой области профессор из Великобритании Б. Бузан. Именно его и коллегу из США Р. Ульмана называют основоположниками концепции нетрадиционных угроз безопасности⁴. Благодаря их исследованиям появились определения данного понятия, которые являются базовыми и по сей день, хотя постоянно подвергаются корректировке и уточнениям.

О чем идет речь?

Есть несколько ключевых моментов, которые следует прояснить, прежде чем более подробно рассматривать этот вопрос применительно к Китаю. Например, что на самом деле можно и следует отнести к понятию «нетрадиционные угрозы безопасности»? При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить очевидную тенденцию максимально расширить список нетрадиционных угроз и все «валить в одну корзину». Причин тому несколько — от национальных, политических, социально-экономических особенностей различных стран (например, правительство США озабочено в первую очередь угрозами со стороны международного терроризма и проблемой распространения оружия массового уничтожения, тогда как палестинцев, например, больше волнует нехватка водных ресурсов или невозможность вернуться на свои земли) до вульгарного стремления заполучить бюджетные или спонсорские финансовые средства. На международных конференциях, на страницах журналов и книг называют по два-три десятка тем, которые могли бы стать предметом серьезного исследования и обсуждения: здесь и так называемые «рыбные» конфликты, «городские пробки», вымирание отдельных видов представителей фауны, борьба с нищетой, аварии коммуникационных линий, отсутствие языковых стандартов и т.д.

В принципе, к нетрадиционным угрозам безопасности можно причислить любую серьезную проблему современного общества. Китай в этом отношении не исключение. В число нетрадиционных угроз некоторые местные политики зачисляют проблемы развития западных областей страны и восстановление Северо-Восточного региона, безработицу и положение мигрантов, условия жизни бездомных, стариков, нищих и т.д. Или другой пример: является ли для государства угрозой безопасности нетрадиционного характера распространение вируса атипичной пневмонии? Как полагает один из видных авторитетов в этой области генерал НОАК Сюн Гуанкай, если заболевание не распространилось чрезмерно широко или за пределы государства, вряд ли имеет смысл связывать эту проблему с вопросами нетрадиционной безопасности. К сожалению, считает генерал, большинство исследователей вместо того, чтобы дать четкие и ясные определения термину «нетрадиционная угроза» предпочитают множить число примеров на эту тему.

Признавая сложность вопроса, Сюн Гуанкай предлагает условно разделить нетрадиционные угрозы на 4 вида: 1) угрозы, выходящие за государственные границы и потому считающиеся транснациональными по определению; 2) угрозы, выходящие за рамки военной сферы; 3) угрозы, возникающие неожиданно и внезапно; 4) угрозы, часто переплетающиеся с традиционными вызовами⁵. По его мнению, все эти угрозы характерны тем, что они затрагивают не одно государство или нацию, а потому не могут быть

решены в рамках одной страны или обычными мерами. Кроме того, говоря о переплетении традиционных и нетрадиционных угроз, следует иметь в виду, что они, находясь в тесном взаимодействии, оказывают влияние друг на друга и при определенных условиях способны меняться местами. Схожей точки зрения придерживаются и специалисты из Шанхая Го Сюэтан и Юй Синьтянь, ряд других исследователей⁶.

В принципе, в среде китайской научной и политической элиты существует определенный консенсус в понимании реальности угроз со стороны нетрадиционных источников. Более того, многие полагают, что нетрадиционные угрозы сегодня выглядят более реально, чем традиционные, так как с ростом комплексной мощи КНР ее безопасность надежно защищена вооруженными силами страны, дипломатическими успехами на международной арене. Тем не менее, определения понятия «нетрадиционная угроза», как уже отмечалось, не отличаются единообразием и четкостью. Похоже, этому термину придают различное значение и толкование, исходя из разных подходов к обсуждаемому вопросу.

Почему представляется важной попытка понять различные точки зрения? На наш взгляд, это позволит правильнее оценивать мотивы и действия руководства КНР по отражению внешних вызовов, возможный диапазон сопротивления традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности страны.

Как пишет Сюзанна Л. Крэйг в своей работе «Китайское восприятие традиционной и нетрадиционной угрозы безопасности», ссылаясь на мнение Ли Дуняня, старшего научного сотрудника Института мировой экономики и политики АОН Китая⁷, в целом подходы к проблеме могут быть разделены на три основные точки зрения: реализма, двойной безопасности и безопасности по отношению к личности.

Реалисты, считает Ли Дунянь, очевидно доминируют. Они рассматривают угрозы национальной безопасности с точки зрения реальной перспективы, отдавая приоритет силе, суверенитету и национально-государственной безопасности. Чтобы их обеспечить, они признают необходимость международного сотрудничества и использования невоенных средств для решения проблемы нетрадиционной безопасности. Новые угрозы, по мнению сторонников этого подхода, исходят в первую очередь от нетрадиционных акторов — транснациональных преступных группировок, бандформирований, террористов, экстремистов и сепаратистов. В данном случае речь идет о невоенных угрозах — экономической, финансовой безопасности, обеспеченности ресурсами, информационной, культурной, коммуникационной безопасности. Такой подход в принципе исключает угрозу нетрадиционной безопасности для отдельного человека. Угрозам подвергается национальный суверенитет, а не частные лица.

Концепция двойной безопасности рассматривает проблему комплексно: угрозы традиционные и нетрадиционные тесно переплетаются, а потому опасность грозит не только государству, но и индивидууму, они существуют на международном и глобальном уровнях. Набор угроз предлагается тот же — экономические, социальные, экологические.

Идея безопасности по отношению к личности исходит из посыла — не государственная безопасность обеспечивает безопасность личности, а безопасность личности является основой общей национальной безопасности. Кроме того, в данном контексте присутствует и такое понятие, как политическая безопасность и социальная стабильность в качестве компонентов нетрадиционной безопасности. Такой подход наиболее близок к международным оценкам, учитывая, что многие документы специализированных организаций ООН содержат призывы к политической и социальной безопасности, социальной справедливости и сбалансированного развития.

Еще одна особенность этой идеи — принятие концепции глобального общества, расширение идеи безопасности в глобальном измерении.

По мнению большей части политической и научной элиты Китая, концепция безопасности по отношению к личности выглядит чересчур расплывчатой. Мысли и положения, заложенные в ней, не являются приоритетно важными, чтобы помещать их в

разряд национальных программ безопасности. Без национальной безопасности, считают в Пекине, нет безопасности личности. Все остальное — утопический идеал. В политическом смысле — это западные ухищрения, единственная цель которых — попытка вмешательства во внутренние дела КНР и угроза национальной безопасности страны.

Перечисленные выше три взгляда на проблему породили в КНР, как считает уже упоминавшийся Ван Ичжоу, две школы понимания и изучения проблем нетрадиционных видов безопасности — так называемую «техническую» и «системную»⁸. К первой относятся «реалисты» и сторонники двойной безопасности, а выступающие за безопасность личности — к системной школе. Ее последователи считают, что исследования проблем нетрадиционной безопасности должны осуществляться в плоскости пересмотра отношений между государством и обществом, стране необходимы системные реформы в политической и социальной сферах.

В отличие от них «техники» мыслят в категориях времени, пространства и формы, а не идеологии или политических ценностей. Они подчеркивают: технические и физические угрозы более серьезны, чем политические или социальные как для отдельных людей, так и для государства-нации. По их мнению, вопросы обеспечения нетрадиционной безопасности не имеют отношения к политической системе, состоянию общества или статусу отдельных личностей.

Ван Ичжоу уверен, что подход Китая к проблеме нетрадиционной безопасности сегодня ограничен традиционной китайской политической культурой, а также теми условиями, которые сложились в современном китайском обществе. Это заметно отличается от европейского или американского взгляда на проблему. Так, по сравнению с европейскими странами, для Азии характерно отсутствие наднациональной культуры. После Второй мировой войны страны Западной Европы вынуждены были развиваться в сторону политической и национальной толерантности. Практика Евросоюза требует от европейцев принять наднациональное вмешательство на национальном и индивидуальном уровнях. Поэтому европейцам гораздо проще понять принципы глобального управления и безопасности человечества в целом, принять доминирующее значение международного права и международных организаций.

В Азии, похоже, по-прежнему доминируют «реалисты» и сторонники суверенитета культур, особенно в крупных азиатских странах. Азиатская политическая культура никогда не выходила за рамки национальных границ и для большинства стран Азии укрепление национального суверенитета и национального единства по-прежнему являются главными приоритетами национальной безопасности.

В Китае считается предпочтительным, чтобы личные интересы подчинялись коллективным или национальным интересам. Большинство китайцев уверены, что если существует национально-государственная безопасность, то нет угрозы человеческой безопасности.

В Китае долгое время национальная безопасность понималась исключительно как военная безопасность и как угроза территориальной безопасности. В процессе реформ возникли другие угрозы, на которые сегодня нельзя не обратить внимания: экономике, финансам, экологии. Главной ареной возможного кризиса в КНР в ближайшие годы может стать именно социальная сфера, затем уже экономика и только потом — политика. Именно здесь многие специалисты по Китаю видят «мину замедленного действия», заложенную под тщательно выстраиваемый властями фундамент гармоничного общества с китайской спецификой.

Начало процесса реформ в КНР обеспечило не только развитие страны с точки зрения макроэкономических показателей и повышения жизненного уровня населения, но и оказало прямое или косвенное влияние на разные стороны внутренней жизни страны, в том числе и на взаимоотношения между государством и обществом. Развитие этих взаимоотношений представляет собой интерес и в свете того, что они охватывают не только

сферу экономического реформирования, но и оказывают влияние на социальное состояние общества.

Практика показала, что успехи в экономическом развитии во многом зависят от политической стабильности и обстановки в обществе. Более того, можно утверждать, что только внутренняя стабильность способна гарантировать длительное и устойчивое хозяйственное развитие.

Между тем переход страны на рыночные рельсы, естественная неравномерность в развитии отдельных отраслей, регионов, породили материальное и социальное неравенство в обществе, которое с каждым годом все увеличивается, грозя приблизиться к критической черте.

Видимо, этот процесс неизбежен, и единственное средство устранить особо вызывающее неравенство (во многих случаях — несправедливое) — это общий экономический рост, повышение его эффективности, правильная система налогов, борьба с незаконно нажитым богатством. Пока же, считает научный сотрудник Института управления Пекинского университета Гуань Хайтин, неравенство в доходах «зачастую трансформируется в общественное недовольство и уродливую форму обогащения». Согласно обследованиям, проведенным Академией общественных наук Китая, «80,8% людей испытывают недовольство в связи с разрывом в доходах»⁹. Особенно нетерпимым является существование значительных групп населения, живущих на грани бедности или фактически в состоянии бедности.

Еще в 1990-х гг. была принята государственная программа по борьбе с бедностью. Речь шла о 250 млн чел., в основном крестьян, проживающих в отдаленных районах, национальных окраинах (Тибет, Синьцзян, Гуйчжоу и ряд других). Этим категориям жителей оказывалась планомерная финансовая поддержка, для них создавались новые рабочие места и т.д. В результате число «бедных семей» (людей, живущих подчас в условиях средневековой отсталости) сократилось до 45 млн¹⁰.

Если «зоной бедности» раньше обычно считалась деревня, то в последние годы эта категория населения выросла за счет городских жителей, потерявших работу, в том числе вследствие проведения реформы предприятий. Эта группа городских жителей, численностью порядка 22 млн чел., не может найти себе новую работу и живет почти исключительно на мизерные страховые выплаты.

Следует сказать, что безработица стала сегодня одним из негативных и весьма опасных социальных последствий реформы. По данным Министерства труда Китая, превышение численности работников над спросом на нее равняется 183,5 млн чел. Иначе говоря, скрытая безработица достигает в стране 26,65%¹¹. Нет нужды пояснять, какую социальную угрозу представляют эти цифры.

Из факторов, дестабилизирующих социально-экономическую обстановку, выделяется неудовлетворительное состояние общественного правопорядка. Рыночная трансформация сопровождалась в Китае ростом преступности: с 5,5 уголовных преступлений на 10 тыс. населения в 1978 г. до примерно 20 в 1990-х гг. Рост уголовной преступности вышел на первое место среди беспокоящих горожан проблем. Особенно тревожит общество рост экономических преступлений. Раздражающий характер усиливается нередкой вовлеченностью в круг коррумпированных лиц высокопоставленных чиновников, их детей и близких родственников, а также отсутствием явных успехов в борьбе с этими пороками.

Чтобы снять или, по крайней мере, ослабить эти негативные проявления переходного периода, необходимы соответствующие механизмы регулирования интересов различных слоев общества. С теоретической точки зрения, одним из важнейших условий социальной гармонии должны служить социальная беспристрастность и справедливость. Беспристрастность и справедливость в обществе, по мнению руководства страны, являются основными требованиями социальной гармонии. В построении такой системы особая роль отводится государству, его институтам. Именно они призваны осуществлять регулирую-

щую функцию в улучшении работы финансовой системы, в том числе, в структуре доходов и расходов. Предполагается, что центр в ближайшие годы увеличит инвестиции в сферу общественного сервиса, в дело образования, здравоохранения, культуры, трудоустройства и повторного трудоустройства, социального обеспечения, улучшения экологической обстановки, социальной инфраструктуры, общественной безопасности. По уже сложившейся практике власть при осуществлении социальных проектов намерена и впредь опираться на общественные организации, добровольные союзы и объединения граждан.

В Китае существует поговорка: «проточная вода не гниет». В данном случае имеется в виду, что социально мобильный член общества, любой человек, имеющий перспективу, веру в будущее способен повысить свой социальный статус, может сделать выбор в соответствии с уровнем образования, наличием способностей и степенью усердия, в состоянии изменить свою жизненную траекторию. Пример — жизнь крестьян в городе, которая нисколько не лучше жизни тех горожан, которые лишились работы. Но между этими группами, считают китайские социологи, есть и принципиальное отличие: вчерашние деревенские жители находятся в т.н. «восходящем потоке», у них есть перспектива вырваться из своего круга. У городских безработных, напротив, такая надежда утеряна. Социальный «лифт» привез их на низшие этажи. Отчаяние и отсутствие перспективы — серьезный повод для недовольства, как своим положением, так и всей окружающей системой в целом. А отсюда всего шаг до открытого выражения протеста, социального конфликта, нарушения стабильности в обществе. Именно того, чего опасаются власти сегодня.

Если верить некоторым западным средствам массовой информации, в Китае царит сплошное беззаконие, повсеместно и ежечасно нарушаются права человека, вся страна живет в колоссальном по своим размерам концентрационном лагере. Конечно, признать идиллическим китайский социальный пейзаж, вряд ли будет справедливо. Но нужно сказать: те выступления протеста, о которых пишет западная печать, все-таки имеют свою «китайскую специфику». Нам представляется, наиболее полная картина существующего положения содержится в анализе, предложенном профессором Научно-исследовательского института деревни АОН Китая Юй Цзяньжуном¹². Приводимые им цифры свидетельствуют о росте количества массовых выступлений в стране: в 1993 г. в Китае было 8709 таких случаев, в 1999 г. их количество превысило 32 тыс., в 2003 г. — 60 тыс., в 2004 г. — 74 тыс., в 2005 г. — 87 тыс. Таким образом, за десять с небольшим лет количество протестных выступлений выросло в 10 раз. Среди них крестьянские волнения против властей составили 35%, выступления рабочих — 30%, без видимых причин — 5%, проявления организованной преступности — 5%. По мнению автора доклада, основанного на практических исследованиях, и крестьянская борьба, и выступления рабочих, и волнения городского населения имеют свои характерные особенности.

Во-первых, это борьба мирными, а не силовыми средствами, здесь экономические интересы преобладают над политикой. Во-вторых, преобладает борьба в рамках правил, правда, по мере перехода к совместным действиям иногда берут верх силовые методы. В-третьих, эмоции часто преобладают над рациональными действиями. Это происходит, в основном, из-за того, что люди испытывают шок от действий властей по ущемлению их гражданских прав. В-четвертых, многие действующие законы противоречат реальности, существуют многочисленные их нарушения.

В Китае этой теме уделяется немало внимания. Власти справедливо полагают, что без понимания политических механизмов конфликта, причин его возникновения, невозможно понять суть позитивного эффекта политической стабильности. «Среди проблем Китая важнейшей является стабильность. Без стабильности ничего не получится, даже можно утратить уже достигнутое» — этот вывод Дэн Сяопина китайские политологи понимают как чрезвычайно важный постулат дальнейших исследований в данном направлении¹³.

По мнению Юй Цзяньжуна, Китай находится сегодня перед вызовом, с которым западные государства столкнулись еще 200 лет назад. Он считает: чтобы успешно решать эту проблему надо, с одной стороны, учитывать быстрое экономическое развитие Китая в последние годы, а с другой, что это развитие происходит в условиях индустриализации, урбанизации и перехода от плановой экономики к рыночной. В процессе бурного развития экономики возникают разного рода проблемы. Рыночная экономика порождает неодинаковые общественные интересы, и в этом, вероятно, самая глубокая причина конфликтов.

Неправительственные организации, различного рода общественные союзы, ассоциации, объединения призваны помочь государству справиться с возникающими нетрадиционными вызовами и угрозами в социальной сфере. С одной стороны, гражданские инициативы должны решать проблему «обратной связи», внятно и последовательно убеждать власть в необходимости тех или иных перемен в интересах общества. С другой стороны, формирующиеся НГО, призваны «гасить» спонтанные протестные выступления, организуя и направляя их в русло более цивилизованного разрешения социальных конфликтов. Именно в этом — сохранении и укреплении социальной стабильности — руководство страны видит главную задачу современного китайского гражданского общества, действующего в условиях нарастающих нетрадиционных угроз.

-
1. Жэньминь жибао. 2010. 15 янв.
 2. Цюши. 2009. Vol. 1, No 1.
 3. Жэньминь жибао. 2003. 7 нояб.
 4. См., например: *Ulman R. Redefining Security // International Security. 1983. Vol. 8, No 1.; Buzan B. States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill, NC, 1983.*
 5. *Xiong Guangkai. Joint Efforts to Deal with the New Challenge of Nontraditional Security Threats // Shijie Zhishi. 2005. 1 aug.*
 6. *Guo Xuetong. "Nontraditional Security and China's Rise", Mao Zedong, Deng Xiaoping Lilun Yanjiu, 2005. 30 dec. P. 24–28; Yu Xintian. Understanding and Preventing New Conflicts and Wars: China's Peaceful Rise as a Strategic Choice // International Review. 2004. Vol. 35. — www.sis.org/cn/english/journal/2004/2/Yu%20Xintian.htm.*
 7. См.: *Craig L. Chinese Perceptions of Traditional and Nontraditional Security Threats, March 2007. — www.strategicstudiesinstitute.army.mil.*
 8. *Defining Non-Traditional Security and Its Implications for China, Yizhou Wang. — www.iwep.org.cn.*
 9. Пути реформ и их перспективы в Китае и России // Экспресс-информация ИДВ РАН, М., 2003. С. 44.
 10. Агентство Синьхуа. 23.08.2007.
 11. Китайская Народная Республика. М., 2000. С. 168.
 12. Подробнее см.: Экспресс-информация. М., 2009. № 1. Китай. Проблемы гармоничного и устойчивого развития. С. 19–31.
 13. См., например: *Сун Яньтао. Теория политической стабильности в реформируемом обществе // Чжэнчжисюэ. 2005. № 3.*